

Вечерний клуб, 1992. 10 окт

**Международный
театральный фестиваль
им. А. П. Чехова**

Любовь - без коварства, коварство - без любви

Петербургский Большой драматический театр имени Г. А. Товстоногова (отныне таково его полное название) показал «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в постановке грузинских режиссера Темура Чхеидзе и художника Георгия Алекси-Михишвили. Пьеса, десятилетиями не идущая на подмостках российской сцены, прославленные актеры БДТ, знаменитый тандем режиссера и художника — все это способствовало очередному штурму зрителями театра Моссовета, где игрался спектакль и состоялось открытие фестиваля.

Уже после представления, когда погибли юные Фердинанд и Луиза, когда застыл в кукольной позе Президент фон Вальтер, понимаешь — нам показали странное и мрачное зрелище, где нет выхода и мало света. Все действие спектакля разворачивается в серовато-грязноватом кубе — без окон, с какими-то тайными и подвальными лазями. «Мещанской трагедии» Шиллера придан социальный пафос, связанный с днем сегодняшним. Мир куба — мир тюрьмы при всей внешней видимости и доступности свободы.

В этом замкнутом мире хорошо Президенту, тайному сыску, вору и жулью... Потому здесь не только трудно любить, но и ненавидеть: здесь не живут — прозябают. Чувства вспыхивают на мгновения, а остальное — сидения, подслушивания. Но это с первого взгляда.

Главная же загадка спектакля в том, что в нем не ощущаешь ни истинного коварства, ни истинной любви. Шахматный рационализм витает как над его яркими и нередко таинственными мизансценами, так и над актерской игрой. Это спектакль без единой ошибки: режиссерской или актерской. Кроме одной — в нем немного чувства и жизни. Это мало проявлено в судьбах главных героев, которых играют молодые и одаренные Е. Попова (Луиза Миллер) и М. Морозов (Фердинанд фон Вальтер). Может быть, все дело в дне сегодняшнем: трудно любить на сцене, когда почти невозможно любить в жизни.

Странно, но неужели великолепная и блистательная Алиса Фрейндлих (леди Мильфорд) и всегда социально обостренный Кирилл Лавров (Президент фон Вальтер) тоже не знают, как сыграть коварство и любовь? Два известных мастера русского театра весь спектакль, как говорят профессионалы, «мастерят». За их нынешними персонажами проглядывают маски многих героев и героинь, сыгранных ими ранее. Технически роли исполнены виртуозно, почти без нажима, но отчего-то тоскуешь по той гармонии и свободе, которая когда-то восхищала в Дульсинее Тобосской А. Фрейндлих и гоголевском Городничем К. Лаврова. Сейчас же видишь заведенную радость и искусственный гнев...

Впрочем, мрачный дух искусственно придуманных страстей и чувств витает и над другими персонажами. Невнятными и монотонными сыграли своих героев и героинь В. Ивченко (музыкант Миллер), Н. Усатова (госпожа Миллер), А. Толубеев (секретарь Вурм). Гротесковости и комедийности таланта В. Ивченко и Н. Усатовой, как и нервности А. Толубеева, в этом спектакле места не нашлось.

Может быть, именно поэтому итог спектакля и кажется противоречивым: ум все понимает, а сердце осталось глухо. Шиллер хоть и называл свои пьесы «аналитическими драмами», но, как и Чехов, имя которого на знамени фестиваля, все-таки больше надеялся на сердце. Не только на его коварство, но и любовь...

Петербургский БДТ по-прежнему остается одним из любимых театров России. Его авторитет высок. Это доказал и странный спектакль: зрительный зал аплодировал стоя, а актеры были завалены цветами (и это при наших-то ценах!). Зал аплодировал не только мастерству театра, но и его мужеству — его нынешней непростой судьбе после Товстоногова. И оттого хочется верить: у театра не только прекрасное прошлое, но и прекрасное завтра.

Константин МУХИН.
Фото Владимира СУВОРОВА.